

Рихтер Святослав
(орган)

6.04.05

Культура. - 2005. -
6 апр. - с. 13

Перекрестки

Фестиваль "Приношение Святославу Рихтеру"

Соратники и преемники

Рихтер любил фестивали. Самолучно организовал три – в Туре ("Музыкальные празднества в Турени"), Москве ("Декабрьские вечера") и Тарусе (Музыкально-художественный фестиваль). Он расценивал любой фестиваль как "повод для исполнения незаурядной музыки в местах, одинаково вдохновляющих и музыкантов, и аудиторию". Таковыми стали для него амбар XIII века Гранж-де-Меле, Пушкинский музей, тарусский кинотеатр "Мир". Московская консерватория с ее обширными, но намоленными залами тоже вдохновляет артистов и публику. А прошедший там фестиваль "Приношение Святославу Рихтеру" к 90-летию со дня рождения музыканта был новым поводом для исполнения незаурядной музыки.

Рихтер, правда, ничего не сказал про незаурядное исполнение оной. То ли полагал это делом само собой разумеющимся, то ли отдавал подобные размышления на откуп публике, бог весть. Но устроители нынешнего фестиваля явно рассчитывали на исполнительскую незаурядность, уповав на статус приглашенных музыкантов. Припомнить в связи с этим афоризм Сэмюэла Джонсона о благих намерениях было бы сарказмом, и все же воплощение идеи приношения успешному гению, чтобы она не превратилась в просто мемориальный ритуал, требует в особенной степени проявления той самой незаурядности, о которой умолчал маэстро. Лучшие ожидания оправдались лишь отчасти.

Юбилейные мероприятия всегда побуждают к прицельному размышлению и нынешний фестиваль не стал исключением. В частности, заставил вновь задуматься о сохранении лучших традиций, их преемственности и смене, а также о тех перекрестках, где встречаются композиторский замысел и намерения исполнителя. В первых пяти концертах фестиваля принимали участие главные хранители традиций – друзья и коллеги Рихтера. Это Элисо Вирсаладзе – по мнению Рихтера, "несравненная исполнительница произведений Шумана", Наталия Гутман – "воплощение честности в искусстве", Елизавета Леонская, "играть с которой было всегда удовольствием", высокочтимый Квартет имени Бородина с кларнетистом Иваном Мозговым и пианисткой Людмилой Берлинской, а также привлеченный Гутман маэстро Курт Мазур, отличавшийся в прежние годы мастерским "исполнением композиторских желаний", его

коллега Вольдемар Нельсон и наши старейшие оркестры – ГАСО и БСО.

Разбираться с преемственностью пришлось зарубежным гостям не из круга Рихтера, а заодно Михаилу Плетневу за пультом РНО. Так, в самый день рождения Рихтера с недвусмысленным подтекстом был представлен российский дебют норвежского пианиста Лейфа Ове Анднеса. (Нет наследника в своем Отечестве.) На закрытии фестиваля северянин делил сцену с латвийской командой (Гидон Кремер, Кристина Блаумане, Ула Улиона) и Татьяной Гринденко, играя камерные сочинения Шумана и Шнитке.

К традициям можно относиться по-разному – как к основе, разрушение которой гибельно для искусства, или как к балласту. Три музы – Е. Леонская, Н. Гутман, Э. Вирсаладзе – подтвердили верность основам и заодно свой художественный авторитет, воссоздавая портреты композиторов (таким портретам уподобляют жанр концерта). Дворжаку, пожалуй, выпал наилучший жребий: выбор произведения (Виолончельный концерт) попал в точку, вполне сложился альянс Гутман, Мазур и БСО. А вот Брамс (Второй фортепианный концерт) задал нелегкую задачку и Елизавете Леонской, одолевшей партию не без потерь, и Мазуру, иной раз терявшему контроль над оркестром.

На пресс-конференции Курт Мазур, отдав должное "федосеевцам", посетовал на снижение уровня российских оркестров – недотягивают, мол, до мировой планки и требуют усердных репетиций. (Маэстро, впрочем, не знаком с коллективами помоложе.) Казалось бы, при такой ситуации за оркестром нужен глаз да глаз. Но Мазур заставил припомнить и свое славное прошлое. Музизировал налегке: не прибегнул к партитуре и палочке, энергию экономил, неохотно преодолевал "праворукость", частенько не считая своим долгом показывать вступления и отправляя музыкантов в свободное плавание, отчего с ними случалась "морская болезнь" (плавающие темпы). А БСО, главными достоинствами которого являются сыгранность и опыт, – коллектив слегка зашоренный и не вполне гибкий, ему не под силу улавливать загадочные флюиды иноземца и спасать ситуацию усилием воли.

Так, в Первой симфонии Шостаковича Мазур активизировался и раскачал оркестр лишь к финалу, действительно прошедшему на одном дыхании. А Шестая симфония Чайковского, сидящая у БСО в печенках, напомнила старую пленку с механическими повреждениями. Не постигая намерений маэстро, оркестр то сби-

Вверху: Н. Гутман и К. Мазур. Внизу: М. Плетнев и Лейф Ове Анднес

вался на привычности, то спохватывался, стремясь выполнить его требования, и от таких метаний поворачивался в хаос.

Нареченный герой фестиваля Анднес засвидетельствовал свой международный авторитет и предстал отличным пианистом с большими возможностями и ясно выраженным камерным амплуа. Приглашая его с Концертом Грига, Михаил Плетнев преследовал цель ознакомить нашу публику с трактовкой этого произведения земляком композитора, признанной в Европе эталонной. А привлеченный по случаю Дня рождения Рихтера Святослав Бэлза напомнил, что Рихтер любил григowski концерт за суровость и мужественность. Этим качествам и ожидали от истинно норвежской, лишенной при-

торности интерпретации. Но Анднес выдал их сверх ожиданий. Возможно, брутально-холодный стиль подходит к финальному халлингу, однако если рассматривать концерт в целом, опять же как портрет композитора, то Григ совсем не видится угрюмым морским волком. Усугубил дело и сверхэнергичный Михаил Плетнев, под руками которого оркестр заходился в пароксизме энтузиазма и подминал солиста. Затем Анднес отправил на Север и Рахманинова (Второй концерт), а русским партнерам, словно в отместку, удалось пианиста окончательно задавить.

Анднес не отказал себе в удовольствии бисировать: после первого отделения исполнил мизантропическую пьесу из цикла "В тумане" Яначека, а после второго одарил контрастными

миниатюрами Мендельсона, Грига и испанца Федерико Момпу. И это был совершенно другой пианист – чуткий, разнообразный, с мягким туше и очень выразительным звуком, способный к теплой лирике и не лишенный чувства юмора, живой и интересный. Это же впечатление подтвердилось и завтра, когда, найдя в лице Кремера и К^о единомышленников, Анднес упоительно играл с ними ансамбли Шнитке (Квинтет) и Шумана (Трио соль-минор и "Шесть канонических этюдов" для pedalного фортепиано ор. 56, переложенных Виктором Деревянко для скрипки, альты и фортепиано). Программу дополнила Соната Прокофьева для двух скрипок (Кремер и Гринденко).

Рихтер особенно ценил в любом исполнении свежесть и неожиданность, и именно этим критериям отвечали все финальные ансамбли и, кроме того, приблизились к перфекционизму, которым славился сам ушедший юбилар. А ведь такие музыканты, как Кремер, не раз входили в противоречие с рихтеровской заповедью безоговорочно следовать всем предписаниям партитуры и гневил мэтра излишней оригинальностью. Но и отказавшись от преемства, можно подготовить приношение, достойное великого адресата, – хватило бы мастерства, художественного чутья и увлеченности, без которых он сам искусства не мыслит.

Татьяна ДАВЫДОВА

Венское интермеццо

В четкой драматургии фестиваля "Приношение Святославу Рихтеру" Государственному академическому симфоническому оркестру и дирижеру Вольдемару Нельсону было отведено почетное место в точке золотого сечения – на пятый день рихтеровской недели, как изящное интермеццо между выступлениями двух титанов – Курта Мазура и Михаила Плетнева. Вольдемар Нельсон – дирижер, прошедший свое становление в качестве ассистента Кирилла Кондрашина в оркестре Московской филармонии, ныне представляет Германию, имея ангажементы с разными европейскими оркестрами. Он – постоянный участник другого, близкого по концепции московского фестиваля "Приношение Олегу Кагану", так, что его появление в данном контексте не выглядело случайностью.

В его программу с ГАСО были включены произведения, некогда созданные в Вене. – Третий фортепианный концерт Бетховена (солистка Элисо Вирсаладзе) и Четвертая "Ро-

мантическая" симфония Брукнера. Оба произведения, естественно, связаны с Рихтером. Он сам неоднократно играл этот концерт, а что касается Брукнера, то его симфонии входили в число любимых сочинений Святослава Теофиловича: еще в студенческие годы он переиграл их все в четырехручных переложениях.

Впечатления от концерта остались двойственные. С одной стороны, в контексте всего фестиваля, интерпретации этих произведений не стали откровением и были выдержаны в духе аккуратного академизма. В то же время нельзя не отметить хороший контакт оркестра с приглашенным маэстро. Непривычная стилистика брукнеровской партитуры была легко освоена музыкантами ГАСО. Дирижеру удалось найти верную пульсацию, благодаря чему выстроились монументальные формы частей симфонии. Особенно удалась в этом отношении первая часть, где естественным потоком текла музыкальная мысль, гибко сменялись пейзажные и лирические образы. Однако приходится в качестве отрицательного фактора отметить некоторую ограниченность дирижерского жеста (излишнее злоупотребление монотонными маятниковыми движениями обеими руками), что не позволило оркестру прозвучать так, чтобы мы почувствовали все величие и беспредельность мироздания этой красивейшей музыки. Как следствие – зажатое звучание скрипичной и виолончельной групп, не всегда точные интонации у валторн, к которым у Брукнера особое отношение, что порой омрачало в целом интересное и органичное исполнение этого редко звучащего на нашей эстраде брукнеровского шедевра.

Неоднозначно воспринимался и бетховенский концерт, так как очень уж разные представления о музыке были у солистки и дирижера. Импульсивная Э. Вирсаладзе стремилась передать драматизм и энергию в быстрых частях сочинения, не всегда подержанные В. Нельсоном. Особенно это расхождение во взглядах резануло в начале Финала, когда после нарочито тяжелой фразы рояля последовал легкомысленный ответ оркестра. Порой пианистка в оркестровых туги даже поворачивалась к оркестру, пытаясь энергичным кивком подбодрить музыкантов – так ей хотелось увлечь их в свое русло. Подобное гармонии наступило лишь в медленной части, где оркестр длил мудрую простоту и возвышенную красоту фортепианной партии.

Евгения КРИВИЦКАЯ